

Карпенко О. Ю.

СТУПЕНІ ДЕОНІМІЗАЦІЙНОГО ПРОЦЕСУ

Статтю присвячено аналізу трьох ступенів деонімізаційного процесу, починаючи з онімної гри й закінчуючи відмовою від особистого імені.

Ключові слова: антономасія, мезолекс, конотонім, апеллятив.

Карпенко Е. Ю.

СТЕПЕНИ ПРОЦЕССА ДЕОНИМИЗАЦИИ

Статья посвящена анализу трех степеней деонимизации, начиная с онимной игры и заканчивая отказом от имени собственного.

Ключевые слова: антономазия, мезолекс, коннотоним, апеллятив.

УДК 811.161.1'373.2

*Г. Ф. Ковалев***АВТОБИОГРАФИЗМ ОНОМАСТИКИ Н. В. ГОГОЛЯ**

«Никто из читателей моих не знал того,
что, смеясь над моими героями,
он смеялся надо мною...»

Н. В. Гоголь

Данная статья посвящена детальному исследованию ономастики Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: автобиографизм, ономастика, Н. В. Гоголь.

Писатель С. П. Залыгин в свое время очень отрицательно высказался о возможности биографизма героев Н. В. Гоголя: «Вот, скажем, Толстой очень автобиографичен, и его прототипы вы можете легко найти среди его знакомых и родных. А найдите что-нибудь автобиографическое у Гоголя. Это был сравнительно застенчивый человек, не очень преуспевающий, с болезненным, я бы сказал, самолюбием. И незаметный, в общем-то, и не блиставший. И вдруг он пишет «Тараса Бульбу», или «Игроков», или «Ревизора». Мне кажется, он никогда не мог перевоплотиться в Тараса Бульбу и понять его. И мне так представляется, когда он его писал, он исходил из обратного. Он искал не то, что свойственно ему, а то, что ему не свойственно, искал не в себе, а во вне, в другом. Он находил героя или явление с противоположным знаком самому себе» [9 : 184].

Да и Андрей Белый говорил об некоей фантазмагоричности, оторванности Н. В. Гоголя от реальной жизни: «Людей — не знал Гоголь. Знал он великанов и карликов; и землю Гоголь не знал тоже — знал он «сваянный» их месячного блеска туман или черный погреб. А когда погреб соединял он с кипящей месячной пеной туч, или когда редьку соединял он с существами, летающими по воздуху, — у него получалось странное какое-то подобие земли и людей; та земля — не земля: земля вдруг начинала убегать из-под ног, или она оказывалась гробом, в котором задыхаемся мы, мертвецы; и те люди — не люди: пляшет казак — глядишь — изо рта побежал клык; улетает галуш-

ки баба — глядишь: вылетела в трубу; идет по Невскому чиновник — смотрит: ему навстречу идет собственный его нос» [3 : 306].

Нужно ли говорить, что в этом анализе маститые писатели были не совсем правы. Именно Н. В. Гоголь-то и был способен воплотиться в любой образ, поскольку он был с детства наделен недюжинным актерским талантом. В детстве и ранней юности он блестяще играл ... старух (не отсюда ли женоподобность образа Плюшкина?). Его актерское мастерство было отмечено многими людьми, любившими театр и знавшими в нем толк [22 : 45]. Среди них — знаменитый российский актер, современник и друг Н. В. Гоголя — М. С. Щепкин. Поэтому прав был другой русский писатель Валентин Распутин, когда сказал: «Флобер прожил жизнь мадам Бовари, Толстой — Анны Карениной, Гоголь должен был перевоплотиться в своих чертей. Иначе дело дальше портретного сходства не пойдет...» [24 : 218].

Кроме того, Н. В. Гоголь был жаден до множества ролей, как в бытовом, так и в писательском мире. Можно согласиться с мнением А. К. Жолковского: «Гоголь присваивал себе все мыслимые роли. Один из его современников видел в нем типичного «хохла», который хочет быть сразу всем — музыкантом, художником, актером; и действительно, Гоголь пробовал себя во множестве жанров (в поэзии, в прозе — романе и рассказе, в критике, журналистике, истории, проповедничестве). Он восхищался Сенковским, который сам вел все рубрики своего журнала, и (с неслучайным пристрастием) высмеял подобный тип личности в фигуре Хлестакова» [8 : 74].

Многое в ономастике великого писателя позволяет узнать из его родословия. Родословная Н. В. Гоголя интересна тем, что позволяет понять, откуда брались некоторые персонажи великого писателя. Предками Н. В. Гоголя были довольно известные и на Украине, и в России, и в Польше люди. По линии отца: полковник подольский, наказной гетман Правобережной Украины Остап Гоголь, упоминаемый в летописных документах XVII в.; гетманы Петр Дорошенко и Иван Скоропадский; представители известных фамилий Танских и Лизогубов, в разные времена, занимавшие высокое положение в казацкой иерархии, проявившие себя как на воинском, так и на дипломатическом поприщах, обладавшие и литературными талантами. «В одном из дальних ответвлений гоголевской родословной встретим и имя гетмана Ивана Мазепы, в родстве с которым был Матвей

Трошинский, прадед Дмитрия Прокофьевича Трошинского, «казака-вельможи», как назвал его Шевченко, министра и сенатора, приходившимся двоюродным дядькой матери писателя, Марии Ивановне. И любимая бабушка Татьяна Семеновна, урожденная Лизогуб, и благодетель семьи Трошинский, в имении которого в Кибинцах Никоша проводил много времени, были живыми хранителями памяти рода, семейного предания, неразрывно связанных с национальной памятью и историей» [1: 32–33].

Имя рассказчика в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» связано с дедом Н. В. Гоголя — *Афанасием* Демьяновичем. В украинской огласовке Афанасий будет звучать как *Опанас*, что дает гипокористическую форму *Панько*. Понятно поэтому, откуда взялся рассказчик ранних произведений Н. В. Гоголя — *Панько* Рудый. Один из родственников Гоголя писал о книге, подписанной этим псевдонимом: «Мы весьма знаем, что присланная вами книга есть сочинение ваше». Эти слова, как писал П. А. Кулиш, «показывают, что многие лица и обстоятельства, представленные Гоголем в «Вечерах на хуторе», были общеизвестны в его родном околотке: иначе каким бы образом там сделалось так рано известно, что под псевдонимом Рудого Панька скрывается Гоголь?» [16 : 180–181].

Родословная Н. В. Гоголя проливает свет и на происхождение Остапа и Андрия в «Тарасе Бульбе»: «Остап Гоголь был на польской службе в числе многих и многих представителей казачества Украины, вошедшей, согласно Люблинской унии 1569 г., как часть Великого княжества Литовского в состав Речи Посполитой, позднее — Правобережной Украины, которую Москва вскоре же после Переяславских договоренностей «уступила» в 1667 г. Польше по Андрусовскому перемирию» [1 : 33]. Да, Остап Гоголь сражался под командованием легендарного гетмана Петра Дорошенко, а потом участвовал в битвах под руководством польского короля Яна Собесского. Интересно, что в одном из документов *Остан* Гоголь фигурировал как *Андрей* [16 : 86–87]. С. П. Шелухин обобщив материал родословной Н. В. Гоголя, и сделав акцент на факте причисления дедом писателя, Афанасием Демьяновичем Гоголем-Яновским к польской нации ради получения дворянства, писал: «Хотя это типичные явления в среде малорусского панства XVII и XVIII в., но сама собою напрашивается мысль, что Гоголь некоторые черты для Андрея взял из своих фамильных преда-

ний. Гоголю эти отращения от народности были столь противными, что он отбросил от своей фамилии польскую приставку «Яновский» [29 : 90–91].

В роду Гоголей-Яновских главной была вторая часть фамилии, идущая от священника Яна (Ивана) Гоголя. Бывший хутор Купчинский назывался Яновщиной, а большинство родственников — Яновскими. Сам Н. В. Гоголь, будучи в гимназии, именовался Гоголем-Яновским или просто Яновским. Известный русский историк и библиограф М. Лонгинов, у которого Гоголь в 1831 г. был домашним учителем, вспоминал, что писатель с самого начала «сильно протестовал», когда дети, затрудняясь двойной фамилией, называли его господином Яновским. «Зачем называете вы меня Яновским? — сказал он. — Моя фамилия Гоголь, а Яновский только так, прибавка; ее поляки выдумали» [17 : 87]. Об отрицательном отношении писателя ко второй части своей фамилии вспоминал и Н. В. Кукольник [15 : 74]. Впоследствии Н. В. Гоголь даже выскребывал вторую часть своей фамилии из своих ранних записных книжек. Эта подчистка, видимо, была связана с польским восстанием 1830 г.

Тот же Ю. Барабаш замечает: «Писательское имя определилось не сразу, были романтичный В. Алов, таинственный «0000», подчеркнуто будничный Г. Янов, ернический Глечик, безымянный «дьячок Покровской церкви», было и так, что вовсе никакой подписи не значилось (публикация стихотворения «Италия» в «Сыне Отечества»), но первая книга, «Вечера на хуторе близ Диканьки», увидела свет под фамилией Гоголь» [1 : 34].

В. Набоков, кажется, правильно расшифровал своеобразный псевдоним Н. В. Гоголя под его незаконченным романом: «Главы исторического романа подписаны «0000». Четверка нулей, как говорят, произошла от четырех «о» в имени Николай Гоголь-Яновский. Выбор пустоты, да еще умноженный вчетверо, чтобы скрыть свое «я», очень характерен для Гоголя» [18 : 49].

Среди персонажей повестей цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки» поименованы не все, а лишь 104 (остальные 62 персонажа лишь упомянуты без ономастической номинации). Поскольку действие проходит на Украине, то и, естественно, что основной именник повестей исключительно украинский. Здесь употреблены характерные украинские формы православных имен: *Грицько* (Григорий), *Левко*

(Лев), *Оверко* (Аверкий), *Петро, Петрусь* (Петр), *Омелько* (Емелиан), *Панас* (Афанасий), *Ганна* (Анна), *Ганка* (Агафия), *Оксана* (Ксения), *Ониська* (Анисия), *Парася* (Параскева), *Хвеська* (Феодосия) и др. Гоголь очень заботился о том, чтобы имена украинцев были реальными, то есть чтобы он сам выбирал из богатого именного наследия украинского народа те имена, которые наиболее подходят его персонажам, его творческим замыслам. Хутор *Диканька* — это литературное воплощение реального села Диканька с двумя (!) церквями. Название это происходит от *диких* лесов, да еще от диких кабанов, водившихся там (кстати, кабан по-польски — dzik).

Еще в Нежине, будучи гимназистом, Никоша Гоголь завел тетрадку «Книга всякой всячины», в которую он переписал из «Грамматики малороссийского наречия» А. Павловского раздел «Имена даемые при крещении». Неудивительна поэтому его просьба из Петербурга в письме к матери: «Прошу также, добрая и несравненная маминька, ставить как можно четче имена собственные и вообще разные малороссийские проименования».

Н. В. Гоголь многое брал для своего творчества из истории Украины. В. В. Вересаев полагал, что «Для повести «Тарас Бульба» Гоголь пользовался сочинениями по истории, быту и нравам украинского казачества: «Описанием Украины» Боплана, «Историей Руссов» Гергия Конисского, «Историей о казаках запорожских кн. Мышецкого и др.» [6 : 29].

Н. В. Гоголь страстно любил украинский фольклор, особенно народные песни. Возможно, и отсюда писатель черпал свой оригинальный именник. П. А. Кулиш писал: «Приглашая своего земляка и знатока народной поэзии, О. М. Бодянского, на вечера к Аксаковым, которые он посещал чаще других вечеров в Москве, он обыкновенно говаривал: «упьемся песнями нашей Малороссии», и действительно он упивался ими, так что иной куплет повторял раз тридцать сряду, в каком-то поэтическом забытьи, пока наконец надоедал самым страстным любителям малороссийских песен [16 : 551–552]. Тот же П. А. Кулиш приводит список наиболее любимых Гоголем песен. Среди них эротическая песня: «Казала Солоха прыйды, Щось дам, щось дам...» [16 : 552]. И уж не из этой ли песни и пришла любвеобильная Солоха в гоголевскую «Ночь перед Рождеством»?

Возможно, что некоторые сюжетные линии этой повести навеяны Гоголю ... творчеством его отца, Василия Афанасьевича. Дело в том, что Василий Афанасьевич был талантливым и творческим человеком. Свои творческие позывы он реализовывал в комедиях на украинском языке, которые он сочинял и разыгрывал в домашнем театре своего родственника и соседа, бывшего министра юстиции, Дмитрия Прокофьевича Трощинского. Кроме всего прочего, Василий Афанасьевич был в этом театре еще и дирижером, и главным актером. Сцена Солохи и дьячка у Гоголя-сына очень напоминает аналогичную сцену комедии Гоголя-отца «Роман и Параска». П. А. Кулиш приводит эту сцену, почти дословно благодаря пересказу, сделанному Марией Ивановной, матерью великого писателя [16 : 96]. Проанализировав текст этой комедии, П. А. Кулиш верно отмечает: «Итак вот происхождение семинариста в Сорочинской ярмарке», Фомы Григорьевича, героя предисловий к «Вечерам на хуторе», дьяка и великолепной Солохи в «Ночи перед Рождеством» [16 : 97].

Имя, за которым скрылся Н. В. Гоголь — Панас, посоветовал придумать автору П. А. Плетнев. Об этом сообщает П. Кулиш: «...он присоветовал Гоголю, на первый раз, строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились на свет «Повести, изданные пасичником Рудым Паньком», который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» [20 : 45].

Прозвища, употребленные Н. В. Гоголем в повестях, несут в себе не только яркий украинский элемент, но и изрядный заряд юмора: Вискряк, Голопуцек, Коростявый, Пузатый Пацюк, Переперчиха, Цыбуля и др. Фамилии не отстают в юморе от прозвищ, да они и сформированы на базе прозвищ: Деркач-Драшпановский, Кизяколупенко, Ледачий, Свербыгуз, а также Шпонька, Курочка, Хлоста и др.

Пузатый Пацюк — прозвище запорожца, поселившегося в Диканьке. О нем Н. В. Гоголь писал в повести «Ночь перед Рождеством»: «...Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширине был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно не заметно, и, казалось, винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым». *Пацюк* же по-украински значит 'крыса'.

Загадочно имя Басаврюка — персонажа из повести «Вечер накануне Ивана Купалы». У Н. В. Гоголя это дьявол в людском обличе. В. А. Бушаков полагает, что «Великий писатель, который глубоко знал богатства украинского фольклора и своеобразные народные обычаи, не выдумывал своего Басаврюка. Образ Басаврюка и его имя имеют параллели в мифологии других народов. Венгры верят в существование ведьм, которые называются *босоркань* (*boszorkany*) или *босорка* (*boszorka*). Они также особенно гадают людям именно на Иванов день. Венгерское название ведьмы заимствовали словаки и карпатские украинцы, ср. словацкие слова *bosorka* 'чародейка, ведьма', *bosorak* 'волшебник' и *босурканя*, *бурсуканя*, *пошурканя* 'ведьма', 'ворожея' в бойковских говорах украинского языка» [4 : 71].

Имя Пульхерия Ивановна — биографично. Оказывается, когда Н. В. Гоголь еще учился в лицее, он действительно встретился с женщиной, которая своим поведением его здорово насмешила, только звали ее Пульхерия Трофимовна: «Сцена сама по себе забавная, казалась для меня еще смешнее оттого, что сосед мой (Н. В. Гоголь — Г. К.) передразнивал то Пульхерию Трофимовну, то заику, добавлял к их речам свои слова очень кстати и строил гримасы» [28 : 51]. А кроме того Гоголь отдал Пульхерии Ивановне, которую звали еще и *Товстогубиха*, характер своей бабушки, Татьяны Семеновны, из семейства *Лизогуб*, а прозывали *Лизогубихой*. Да и супруг Пульхерии Ивановны *Афанасий* Иванович получил имя супруга Татьяны Семеновны *Афанасия* Демьяновича.

Исторический фон в этом цикле представлен следующими персонажами: царица *Екатерина II*, князь *Потемкин*, также упомянуты: писатель *Котляревский*, поэт и композитор *Гулак-Артемовский*, гетман *Полтора Кожуха*, казацкий гетман *Конашевич-Сагайдачный*, гетман *Хмельницкий*, князь *Безбородько* (Безбородко — секретарь Екатерины II и крупный дипломат), пан *Степан*, князь *Семиградский* (польский король Стефан Баторий), а также французский поэт *Лафонтен*. В тексте повестей упомянуты и трое святых: святой Пантелей, великомученица Варвара и евангелист Лука.

На первый взгляд, такой образ, как Тарас Бульба, мог быть выдуманным. Однако же в киевском Летописце (за XVI-XVII вв.) есть такое упоминание: «1628. Козаки ради тягостей и озлоблений, не только им, но и церквам русским чинимых, обравши гетмана Тараса,

побили множество поляков под Переяславом и потом примирились». Историк Н. Костомаров также говорит о гетмане Тарасе: «...поляки назначили над реестровыми казаками предводителем Грицка Черного, человека, преданного полякам; но самовольные казаки, собравшись в Сечи, избрали гетманом Тараса и двинулись на Украину». Конечно, Тарас Бульба не был списан с гетьмана Тараса, да и чин ему Гоголь дал лишь полковничий, то есть не сечевика, а чин реестровых козаков, у которых было шесть полков.

Н. В. Гоголь не сразу пришел к имени *Бульба*. В первой редакции повести старый Тарас имел прозвище *Кульбаба*. В украинском языке *Кульбаба* имеет значение 'одуванчик', есть это слово и в словаре В. И. Даля, и в Словаре русских народных говоров, причем в последнем имеет и еще одно значение: «неловкий медлительный человек» с пометой «курск.» [25 : 73]. Это прозвище не удовлетворило Н. В. Гоголя, как полагает Л. И. Колоколова, из-за слишком прозрачной семантики составляющих элементов: *куль* и *баба* [13 : 127]. С этим трудно согласиться, поскольку более прозрачна тюркская подоплека этого имени: *qul* — 'раб' и *baba* — 'дед, отец (с почтительностью)' [2 : 192, 242], то есть 'раб предков'. Так что, видимо, Гоголю помешала откровенная тюркскость данного имени, а не его народно-этимологическая прозрачность.

Поэтому *Кульбаба* был заменен на *Бульбу*. На первый взгляд, можно было бы бросить упрек Н. В. Гоголю (находились и такие исследователи), что он назвал «картофельным» именем человека, жившего в докартофельную эпоху. Литературовед С. В. Невольниченко, поддерживая мнение В. Н. Михайлова о естественности имен второстепенных персонажей повести, завершает это абсурдом: «Не являются исключением и главные герои повести, носящие фамилию *Бульба* («картошка»)» [19 : 247]. Но дело в том, что слово *бульба* существовало в украинском, белорусском, да и в диалектах польского языков задолго до ввоза в Европу и культивирования в ней картофеля. Это значение слова *бульба* оказалось уже вторичным, а первичным в этом заимствованном из латинского (*bulbus* — 'луковица, клубень, лук, чеснок') через посредство польского языка (*bulba*) было значение 'клубень, утолщение, пузырь', что хорошо укладывалось в габариты гоголевского персонажа.

Имена главных героев: *Тарас* из греч. *tarasso* — 'возбуждать'; *Ostman* (укр.) из Ефстафий (из греч. *eu* + *staios* — 'хорошо построен-

ный, крепкий’); *Андрій* (укр.) из Андрей (из греч. *andrejos* — ‘мужественный’).

В повести очень много антропонимов, обозначающих запорожских казаков, но документально исторические среди них, как полагают А. И. Карпенко, только: *Балабан, Шило, Колопер* [11 : 153].

Как-то А. О. Смирнова-Россет, современница и хорошая знакомая А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, в разговоре с Н. Д. Киселевым сказала так об именах гоголевских персонажей:

«... Вот это имена, а Гоголю это было совершенно натурально. У него в родстве Боб и Чечевица, Пищи-Муха, Миклуха-Маклай, а в «Тарасе Бульбе» есть воевода Кисель, ваш предок — а так как вы недостаточно энергичны, вы истинный Кисель; есть Голопупенко, Белокопытенко, а в России есть Гнилосоыров и Серопупов.

... Я прибавлю только, что эти господа (Пушкин и Мятлев. — Г. К.) не могли найти рифму к Юсупову, но однажды Мятлев вошел, торжествуя и говоря ему: «Нашел!»

Князя Бориса Юсупова

И полковника Серопупова.

Это в «Инвалиде» о приезжающих и отъезжающих. Гоголь всегда читает эти имена, и поэтому в «Мертвых душах» и «Городничем» («Ревизоре» — Г. К.) нет выдуманных имен, все это подлинные фамилии» [26 : 172–173].

Имена интересовали Н. В. Гоголя всегда и везде. Так, Е. С. Смирнова-Чикина отметила, правда без каких-либо ссылок: «Он всегда обращал внимание на встречающиеся ему фамилии: так, Чичикова он нашел на одной вывеске» [27 : 121].

П. А. Кулиш отмечал: «Известно заподлинно, что в Миргороде действительно существовали — разумеется, под другими именами — Иван Иванович и Иван Никифорович, поссорившиеся за гусака. Они впрочем ссорились и мирились неоднократно и нередко езжали в одном экипаже подавать друг на друга жалобу. Они находили удовольствие в том, чтоб их увещевали помириться и вовсе были чужды чувства злобы и вражды» [16 : 181].

Правда, В. В. Вересаев очень возмущался нерусскостью фамилий русских персонажей у Гоголя: «И что за «русские» фамилии, — Яичница, Земляника, Коробочка, Петух, Сквозник-Дмухановский, Добчинский и Бобчинский, Держиморда, Неуважай-Корыто,

Пробка, Доезжай-Недоедешь? Откуда столько украинцев в русской глуши?» [6 : 64]. И в какой-то степени В. В. Вересаев прав. Хотя ряд из таких фамилий можно встретить и в русской среде. Вот только по данным И. А. Королевой в Смоленской губернии бытовали такие фамилии: Бобошинский, Дмуховский, Петух [14 : 47, 59]. Кроме того, *Пробка, Неуважай-Корыто, Доезжай-Недоедешь* — не фамилии, а прозвища крестьян. Некоторые могли потом стать фамилиями, сравните: Нечай > Нечаев, Незамай > Незамаев, Докучай > Докучаев, Заломай > Заломаев [14 : 148–149]. Но многие из перечисленных В. В. Вересаевым фамилий явно не украинского, а польского происхождения. А уж польской шляхты и мещан в российской провинции было довольно много, сравните хотя бы такие известные фамилии, как *Пржевальский* (Смоленск) или *Циолковский* (Калуга).

П. Палиевский, размышляя по поводу имени главного героя гоголевской «Шинели», приходит к выводу: «Исследователи возводят имя Акакий (Незлюбивый) из его «Шинели» к Св. Акакию, одному из мучеников, чтимых православием. Но не менее важным было то, что «акакием» назывался мешочек пыли, который держал при коронации (символ бренности, ничтожности земного) византийский император. (Гоголь, не забудем, был еще и историком, увлекавшимся Средними веками)» [21 : 8].

Фамилию же *Плюшкин* обычно производят от *плюха*, но для Плюшкина, живущего паразитом, можно найти и другое прочтение. Дело в том, что предки Н. В. Гоголя служили Речи Посполитой, видимо, поэтому в семье Гоголей польский язык, как отмечает В. А. Десницкий, не был чужим [7 : 105]. В письме к своей матери Н. В. Гоголь обращается: «Дрожайшая маминька!» Форма «дрожайшая» взята явно из польского языка, поскольку по-русски будет *дорог-*, по-старославянски — *драг* и только по-польски — *drog-*. На мысль о знании Н. В. Гоголем польского языка наталкивает желание прочитать польский текст А. Мицкевича в оригинале, о чем он просил из Рима А. С. Данилевского (11 апр. 1838 г.): «Еще, пожалуйста, купи для (меня) новую поэму Мицкевича — удивительнейшую вещь: «Пан Тадеуш». Она продается в польской лавке». Думается, очень хорошим этимологом для фамилии *Плюшкин* могло стать польское слово *pluskwa* — ‘клоп’.

Интересно, что, благодаря своей поэтической интуиции, В. В. Маяковский пришел к такому же выводу:

«А ты,
 как был,
 такой и есть
ручною вшой
 копошайся Плюшкин».

Кстати, фамилию Собакевича тоже можно «расшифровать». На первый взгляд, и расшифровывать нет никакой нужды. Однако русский помещик все же носил бы фамилию *Собакин*. А тут непонятное: *Собакевич*. Если же разложить фамилию *Собакевич* по семантическим элементам, то выясняется, что таковыми являются: *собака* ('сука') + *евич* ('сын, потомок') = '*сукин сын*' [12 : 143]. Интересно, что тот же смысл «проскакивает у Гоголя в «Женитьбе». На ошибку Жевакина с яичницей Иван Павлович Яичница отвечает:

«Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя — Яичница.

Жевакин, *кланяясь*. Ах, извините, я немножко туговат на ухо! Я, право, думал, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

Иван Павлович. Да, что делать! Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил назваться мне Яичницын, да свои отговорили; говорят: будет похоже на «собачий сын»».

Гоголь не объясняет фамилию Манилова, но косвенно показывает ее смысл через название деревни Маниловки и его обыгрыш в контексте: «Деревня Маниловка немногих могла заманить своим месторасположением».

А как попал в список помещиков некий *Свиньин*? В сцене, когда П. И. Чичиков, заблудившись в дороге, спрашивает у Коробочки об окрестных помещиках, последняя называет и Свиньи́на: «Бобров, Свиньин, Канапатьяев, Харпакин, Трепакин, Плешаков». Фамилия Свиньин — не придуманная. Она принадлежит известному человеку — Павлу Петровичу Свиньину. На первых порах пребывания Н. В. Гоголя в Петербурге тот «покровительствовал» никому пока не известному малороссу. «Покровительство» его заключалось в том, что очерк «Полтава», написанный Гоголем, был после небольшой переработки опубликован в издаваемом П. П. Свиньиным журнале «Отечественные записки» под подписью издателя, а повесть «Басварюк, или Вечер накануне Ивана Купала» — вообще без подписи

автора. Как известно, П. П. Свињин и стал, несмотря на разницу в возрасте, прототипом Хлестакова в комедии «Ревизор».

Да и, если присмотреться повнимательней, в этой комедии имена детей Земляники почти полностью совпадают с именами детей семейства Гоголей-Яновских: *Николай* (ср.: *Никоша*), *Иван*, *Елизавета*, *Марья* (выпадает только Перепетуя).

При выборе фамилии и создании образа Копейкина Гоголь пользовался источниками песенного творчества, записанными П. В. Киреевским в Орловской губернии. Говоря о песнях, посвященных разбойнику Копейкину, издатель и редактор Песен, собранных П. В. Киреевским, П. А. Бессонов писал: «Предлежащие образы чрезвычайно любопытны еще и в том отношении, что вместе с преданиями, их окружающими, породили под пером Гоголя знаменитый рассказ о проделках необыкновенного Копейкина в «Мертвых душах»; герой является там без ноги именно оттого, что по песням остутился ногою (то левою, то правою) и повредил ее... (мы помним лично слышанные живые рассказы Гоголя на вечере у Дм.М. С[вербеева]». Вот фрагмент одной из песен о разбойнике Копейкине (песни, собранные П. В. Киреевским):

На славном острове на Стрижове...
Собирался вор Копейкин-сын
Со своим прибором со любимым, —
Со своим со шурином со Грибовым,
Со названным своим братом с Соколовым».

Парадоксально, а может быть и закономерно, что другой Копейкин был вполне реальным лицом при жизни Н. В. Гоголя. Вот как этот факт во время трагического наводнения, запечатленного А. С. Пушкиным в «Медном всаднике», описывал известный актер П. А. Каратыгин: «...на Петербургской стороне, по Каменноостровскому проспекту, был тогда дом какого-то Копейкина. Этот скряга сидел во время наводнения у себя на заборе, с багром в руках, и, пользуясь даровщинкой, ловил приплывающие к нему дрова. Иные несчастные, застигнутые водою на улице, искали спасения и карабкались на его забор, — и он не только не подавал им помощи, но с жестокостью спихивал их багром в воду. Этот отвратительный скаред не остался, однако, без наказания: по приговору суда, он был посажен в тюрьму и лишен доброго имени» [10 : 213].

Н. В. Гоголь много работал с самыми разными именами, прежде чем они перекочевывали в его произведения. Доказательством служат его записные книжки, в которых мы находим и списки различных ономастических единиц. Личные имена, которые он записывал, имеют словообразовательную парадигму, чаще украинскую: *Андрій, Андрійко, Андрусь — Андрей; Ві'вдя, Овдю'шка, Евдо'ха — Евдокия; Ганна, Галя, Галька — Анна; Га'на, Га'нка, Гапу'ся — Агафия; Горпи'на, Горпиночка, Горпинка — Агриппина; Грицько', Гри'цик, Гриць — Григорий; Левко', Леву'сь — Лев.*

Н. В. Гоголь часто вписывал в свои записные книжки интересные фамилии: *Беспримеров — Арефа Самусевич Кикша, Черствак — Невриверигорский, Перговутинский — Распопов и Беспримеров; Овечинский — Андрей Непопал-Собачий; Глуздарев, Подкопильников — Лудин; Салотеров — Патермурьев; Самосвитов — Глиста; Сладкоподъедов — Философ Александрійский; Разбираев — Варвара Николаевна Безрылова.*

В. Я. Пропп справедливо высказался в отношении комического характера имен в творчестве Н. В. Гоголя: «...требование вероятности как одного из условий комизма распространяется и на имена. Нам не важно, имелись ли в действительности те странные прозвища, какими своих героев наделяет Гоголь. Возможно, что некоторые из них выдуманы или созданы самим Гоголем. Но если это так, они все же созданы по образцу слышанных и действительно имеющих в русском и украинском языках имен и фамилий. Маленькие преувеличения не меняют сущности, но усиливают комизм» [23 : 211].

Принято считать, что писатели придумывают имена своим героям. Это отчасти действительно так, однако гораздо чаще писатели лишь выбирают фамилию или имя персонажа из того богатого наследия, что составляет национальную и мировую антропонимию. Показательно в этом смысле, что на 1983 г. только в Днепропетровской области Украины проживало (прямо-таки по Н. В. Гоголю!) более 100 Чичиковых, 100 Маниловых, 26 Ноздревых, 14 Плюшкиных, 12 Коробочек, 2 Тараса Бульбы.

Изложенный материал доказывает биографические корни творчества Н. В. Гоголя.

Литература

1. Барабаш Ю. Гоголь и Шевченко. Антиномии национального сознания / Ю. Барабаш // Изв. АН. Сер. лит. и яз., 1996, № 1.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения / Н. А. Баскаков. — М., 1979.
3. Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма / А. Белый. — Т.1. — М., 1994.
4. Бушаков В. А. Образ Басаврюка в повісті М. В. Гоголя «Вечір проти Івана Купала» / В. А. Бушаков // Slavica та baltica в ономастиці України. Кієв, 1999. — С. 71–73.
5. Ваншенкин К. Г. Писательский клуб / К. Г. Ваншенкин. — М., 1998.
6. Вересаев В. Как работал Гоголь / В. Вересаев — М., 1934.
7. Десницкий В. А. Статьи и исследования / В. А. Десницкий. — Л., 1979.
8. Жолковский А. К. Блуждающие сны и другие работы / А. К. Жолковский. — М., 1994.
9. Залыгин С. За или против биографии / С. Залыгин // 15 встреч в Останкине. — М., 1989.
10. Каратыгин П. А. Записки / П. А. Каратыгин. — Л., 1929.
11. Карпенко А. И. О народности Н. В. Гоголя / А. И. Карпенко Киев, 1973.
12. Ковалев Г. Ф. Ономастическое комментирование на уроках русской словесности / Г. Ф. Ковалев. — Воронеж, 2005.
13. Колоколова Л. И. Лексико-семантические источники антропонимии в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» / Л. И. Колоколова // Русское языкознание, Киев, 1984, вып.8.
14. Королева И. А. Словарь фамилий Смоленского края / И. А. Королева. — Смоленск, 2006.
15. Кукольник Н. В., Орлай И. С. (Из памятной книжки). Лицей князя Безбородко / Н. В. Кукольник И. С. Орлай. — СПб., 1859.
16. Кулиш П. А. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем / П. А. Кулиш. — М., 2003.
17. Лонгинов М. Воспоминания о Гоголе (по поводу его биографии) / М. Лонгинов // Современник, 1854. — № 3–4.
18. Набоков В. В. Лекции по русской литературе / В. В. Набоков. — М., 1996.
19. Невольниченко С. Мир и антимир Запорожья в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» / С. Невольниченко // Вопросы литературы, 2008. — № 4.
20. Николай М. (П. Кулиш). Опыт биографии Гоголя / М. Николай. — Пб., 1854.

21. Палиевский П. Пушкин в движении европейского сознания / П. Палиевский // Лит. газ., 2004. — № 22.
22. Пашенко Т. Г. Гоголь в воспоминаниях современников / Т. Г. Пашенко. — М., 1952.
23. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха / В. Я. Пропп. — М., 1999.
24. Распутин В. Натяжение таланта / В. Распутин // 15 встреч в Останкине. М., 1989.
25. Словарь русских народных говоров. — Т. 16.
26. Смирнова А. О. Из «Записок А. О. Смирновой» / А. О. Смирнова // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985, т.2.
27. Смирнова-Чикина Е. С. Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий / Е. С. Смирнова-Чикина. — Л., 1974.
28. Стороженко А. П. Воспоминание / А. П. Стороженко // Гоголь в воспоминаниях современников. — М., 1952.
29. Шелухин С. П. Гоголь и малорусское общество / С. П. Шелухин // Сборник, изданный Имп. Новороссийским ун-том по случаю столетия со дня рождения Н. В. Гоголя. — Одесса, 1909.

Ковальов Г. Ф.

АВТОБІОГРАФІЗМ ОНОМАСТИКИ М. В. ГОГОЛЯ.

Дана стаття присвячена детальному розгляду ономастики М. В. Гоголя.

Ключові слова: автобіографізм, ономастика, М. В. Гоголь.

Kovalyov G. F.

ONOMASTIC AUTOBIOGRAPHY OF N. V. GOGOL

The article represents the detailed analysis of onomastics of N. V. Gogol.

Key-words: autobiography, onomastics, N. V. Gogol.